

Я бережно упаковал холст, показавшийся мне особенно удачным, и решил подыскать багетную мастерскую, чтобы заказать для него приличную раму.

Студенческие работы преподаватели обычно забирали лишь для того, чтобы внести в реестр и сфотографировать для архива, после чего возвращали авторам.

Прихватив с собой «Женщину под зонтом», я направился в кабинет нашего старого профессора. Седовласый мастер в одиночестве пил чай; появление незваного гостя не вызвало у него ни тени досады.

Он вообще отличался редкой ответственностью. Любой другой на его месте просто поручил бы старосте собрать холсты, а всю бумажную волокиту переложил бы на плечи лаборантов.

Но этот старик был скроен иначе. Педантичный и строгий, он перевёлся к нам всего позапрошлым летом и с тех пор требовал, чтобы каждый студент сдавал работы лично, с глазу на глаз. Поговаривали, что до этого он долгие годы преподавал в Европе и Штатах, а на родину вернулся, ведомый тоской по истокам и искренним желанием поднять отечественную школу живописи на новый уровень.

Ходили слухи, будто последний год он специально вызвался вести семинары у первокурсников, чтобы высмотреть среди зелёных новичков пару-тройку дарований и взять их под личную опеку.

— Профессор Лу, я Чжоу Дачуань из первой группы отделения масляной живописи. Принёс зачётную работу.

Конечно, для многих этот семестровый просмотр был шансом всей жизни — они спали и видели, как маститый критик выделит их мазню, позволив вытянуть счастливый билет.

Но для меня — человека, который до поступления едва держал кисть в руках и проскочил на бюджет лишь благодаря дикому везению, — пределом мечтаний было просто не вылететь, набраться уму-разуму да не протянуть ноги с голоду после выпуска. Так что к оценкам я относился философски.

Пока другие прихорашивались перед визитом, наглаживали костюмы и тратились на вычурные багеты, я заявился к мэтру в привычном затрапезном виде: обычная футболка, поношенные джинсы, а многострадальный холст втиснут в копеечный подрамник и наспех обернут куском брезента. Со стороны могло показаться, будто мне плевать на экзамен.

Хотя, видит бог, дело было не в пренебрежении — у меня просто не водилось лишних денег. Тот гонорар, что перепал пару дней назад за шаманские дела, следовало растянуть как можно дольше, ведь неизвестно, когда подвернётся следующая подработка.

Профессор Лу, к счастью, снобизмом не страдал. Заметив меня, он отставил фарфоровую чашку, поднялся из-за чайного столика и подошёл к письменному столу.

— А, Чжоу Дачуань, помню-помню. Ты ведь знатно приболел в середине семестра? Как сейчас себя чувствуешь?

Ничего себе! Старик меня запомнил. Настоящая мировая величина в искусстве держит в голове имя безвестного первокурсника — от удивления я едва не выронил холст.

Поспешно и как можно почтительнее уложив картину на стол, я ответил:

— Спасибо за заботу, профессор, всё уже давно в порядке. Отлежался пару дней в палате и снова на ногах, полон сил.

«В следующий раз, когда понадобится прогулять, выберу другой предлог, — мысленно пообещал я себе. — Ну его к чёрту, притягивать к себе заразу».

— Профессор Лу, я назвал эту работу «Женщина под зонтом».

Я замялся, лихорадочно соображая: стоит ли пускаться в пространные объяснения или лучше помалкивать? Настоящие художники, пусть даже самые благодушные, терпеть не могут, когда у них над ухом лепечут во время созерцания.

Так что я прикусил язык и застыл в ожидании вердикта. Пусть мэтр сам решит — отправить меня переделывать или сразу выставить баллы в ведомость.

Время шло, но профессор Лу безмолвствовал. В тишине кабинета моё сердце принялось выстукивать тревожную дробь. Ладно, шедевра я не создал, но ведь получилось вполне недурно! Почему же он молчит, словно онемел?

Не выдержав затянувшейся паузы, я робко поднял взгляд, собираясь выдать хоть слово, но осёкся. Старик стоял недвижимо, точно изваяние. Его пальцы, вцепившиеся в край стола, заметно дрожали, а в покрасневших глазах блеснули слёзы.

У меня внутри всё похолодело. Вот только удара нашему светилу не хватало! Такой душевный старик, мировая знаменитость... Не дай бог, паралич разобьёт прямо здесь, в кабинете.

Я лихорадочно потянулся к духовной связи, призывая Бай Яньцю, чтобы та немедленно оценила состояние профессора. Но стоило мне мысленно воззвать к призрачной сестрице, как старик хрипло выдохнул:

— Чжоу... мальчик мой... Это действительно твоя работа?

Я растерянно кивнул.

— Да, профессор. Закончил только позавчера, а сегодня решил сразу вам показать.

Убедившись, что до апоплексического удара дело всё же не дошло, я понемногу расслабился. Впрочем, зов отменять не стал — пускай Бай Яньцю на всякий случай покрутится рядом. Мало ли что.

Наш хвостатый лекарь Хуэй Сяобао хоть и вернулся, но толку от него в медицине было чуть — он больше по части предсказаний да мелких пакостей. А Фэн Мэй испарилась, стоило нам переступить порог академии: пролепетала что-то о том, как соскучилась по мирской суете, и поминай как звали.

Сестрица Бай соткалась из воздуха в углу кабинета мгновенно, заставив меня слегка вздрогнуть, но в этот момент профессор Лу уже заговорил, рассматривая холст:

— Твой холст дышит солнцем. Летний полдень, яркие краски, фигура женщины под зонтом... Но почему за всей этой ясностью кроется столь глубокая, почти осязаемая печаль? Какую мысль ты вложил в эти мазки, Дачуань?

Былое волнение пожилого мастера улеглось, уступив место искреннему профессиональному интересу. Я воспрянул духом — шутка ли, мэтр такого уровня ведёт со мной беседу на равных!

— Я думал о несбывшемся ожидании, — признался я. — Она вышла навстречу тому, кого любит, но осталась одна. И теперь ей ничего не остаётся, кроме как медленно брести обратно под своим зонтом.

— Верно... — протянул профессор Лу, и в его голосе звенящей нотой отозвалось былое горе. — Погода ясна, а на душе ненастье. Этот зонт защищает её не от палящих лучей, а от чужих глаз, чтобы никто не увидел её слёз.

Судя по всему, холст пришёлся старику по душе. В моей голове тут же зароились меркантильные мыслишки.

«На звание любимого ученика я, положим, не претендую, но твёрдую пятёрку в зачётку он мне теперь точно обеспечит. Будет чем перед матерью отчитаться!»

— Замысел прекрасен, да и колористическое решение оставляет очень приятное впечатление, — прервал мои мечтания профессор. — Но вот техника... Техника, признаться, хромает на обе ноги. Скажи-ка, Дачуань, как давно ты занимаешься живописью?

Мне стало немного обидно. По сравнению с тем, что я выдавал год назад, это был просто гигантский скачок вперёд! Но спорить с мэтром я, конечно, не решился.

— Около двух лет, — пробормотал я, почесав затылок. — До этого кисти в руках не держал, так что опыта действительно не хватает.

— Всего два года? — Профессор Лу изумлённо вскинул брови, округлив глаза за толстыми стёклами очков. — Получается, ты готовился к поступлению в академию от силы несколько месяцев?

Я безропотно кивнул.

— Мои школьные отметки оставляли желать лучшего, вот мама и решила пристроить меня на творческую специальность. Пришлось срочно осваивать рисунок.

Сейчас, оглядываясь назад, я сам поражаюсь собственной простоте. Любой мало-мальски сообразительный парень на моём месте сочинил бы красивую сказку: мол, с детства грезил холстами, преодолел сопротивление родни ради искусства и шёл к своей мечте вопреки всему.

А я выложил всё как есть: пошёл в художники просто ради диплома!

Пожилой мастер лишь покачал головой, пряча в усах снисходительную улыбку.

— Ну а сейчас? Почувствовал вкус к этому делу?

— Да, втянулся, — с готовностью подтвердил я. — Сейчас рисую каждый день. Даже дома оборудовал небольшую мастерскую, сам натурщиков нахожу.

— Вот и славно, — с облегчением выдохнул профессор Лу. — Это главное. Твоя работа хороша душой, но руке нужна твёрдость. Давай-ка я укажу тебе на основные огрехи, чтобы ты знал, над чем работать дальше.

С этими словами он бережно подхватил мой подрамник и увлёк меня в просторную аудиторию по соседству.

Огромный зал площадью за двести квадратов встретил нас прохладой от кондиционеров. Одну из стен целиком занимали учебные холсты самых разных стилей — от академизма до авангарда, из-за чего мастерская походила на небольшую частную галерею.

Профессор достал палитру, наборы кистей и красок и вложил инструмент мне в руки. Дотошно, мазок за мазком, он разобрал все композиционные и технические промахи, после чего велел исправлять ошибки прямо на месте.

Вообще-то в моих планах значилось посещение лекции по истории искусств, но упустить индивидуальный мастер-класс от признанного гения из-за какой-то теории? Только круглый

дурак решился бы отказаться.

А я, слава богу, дураком никогда не был.

В итоге мы просидели в мастерской до самого вечера. Профессор прервался лишь в начале седьмого, когда на его мобильный поступил какой-то звонок.

— Ну что, Дачуань, — пряча телефон в карман, проговорил старик. — Время пролетело незаметно. Пойдём-ка поужинаем, как раз пора.

Вот это повезло! Мало того что возился со мной полдня, так ещё и кормить собирается. Отказываться от такого предложения грех.

Сгребя свои пожитки в рюкзак, я послушной тенью пристроился следом за профессором.

Поначалу я думал, что нас ждут в каком-нибудь ресторане, где почтенного мэтра собирались чествовать коллеги, но мы направились напрямик к жилым корпусам академического городка.

Квартира профессора располагалась на первом этаже кирпичного дома и имела собственный выход в уютный сад. Стоило переступить порог прихожей, как до моих ноздрей донёлся умопомрачительный аромат.

Тушёная треска с нежным тофу — пальчики оближешь!

В животе предательски заурчало на весь дом.

Заметив лукавый прищур хозяина, я смущённо прижал ладонь к рёбрам и пробормотал:

— Простите... Аромат просто с ног сбивает.

— То-то и оно! — расплылся в довольной улыбке профессор, с таким гордым видом, словно сам стоял у плиты. — На вкус это блюдо ещё лучше, уверяю.

— Пинчжоу, ты вернулся? Мыло в ванной, мойте руки и за стол! — донёлся из глубины коридора мягкий женский голос.

Навстречу нам вышла пожилая женщина. От всей её аккуратной фигуры веяло тем неуловимым благородством, какое бывает лишь у потомственной интеллигенции. Сомневаться не приходилось — это супруга профессора, наставница Лу.

— Дачуань, познакомься с моей хозяйкой, — скомандовал мэтр.

Я тут же вежливо поклонился:

— Здравствуйте, наставница Лу! Рад знакомству.

Пожилая дама ласково улыбнулась в ответ.

— Здравствуй, Дачуань. Какое звучное имя, сильное, надёжное. Проходи, не стесняйся.

Обед действительно удался на славу. К дымящейся треске с тофу подали битые баклажаны с чесноком, лёгкий овощной салат и пряную утку в густом соевом соусе.

Утка, судя по всему, была куплена наспех в лавке неподалёку, чтобы на столе появилось мясное блюдо для неожиданного молодого гостя. От этой трогательной заботы у меня потеплело на душе.

«Решено, — мысленно зарёкся я. — Больше никакого запанибратства в мыслях. С этого дня буду звать его исключительно уважительно — достопочтенный мэтр».

Насытившись, хозяин дома увлёк меня в свой рабочий кабинет, где хранились его ранние полотна и эскизы.

Наше общение текло на удивление легко. Я по природе своей был парнем увлекающимся, любящим нестандартные идеи и смелые теории, а профессор Лу, несмотря на преклонные лета, оказался человеком широких взглядов и колоссальной эрудиции. Мы без труда находили общие темы, перескакивая с тонкостей европейской колористики на философию восточного искусства.

Время пролетело незаметно, и когда стрелки часов приблизились к девяти вечера, я засобиравшись домой. Всё-таки профессору шёл седьмой десяток, и заставлять его засиживаться допоздна было бы верхом неблагодарности.

Уже обуваясь в прихожей, я случайно бросил взгляд на висевший в полутёмном углу холст. Это был небольшой девичий портрет. Юная особа лет двенадцати в строгом европейском платье времён Китайской Республики кротко сидела на резном стуле, чуть склонив голову с обезоруживающей детской застенчивостью.

С технической точки зрения работа не блистала изысками, но в ней ощущалась удивительная чистота, покой и нежная грация, заставлявшие подолгу всматриваться в черты маленькой натурщицы.

Но зацепило меня другое. Черты лица этой девочки показались мне до странности знакомыми. Где-то я её точно видел.

Сколько я ни напрягал память, вспомнить подробности так и не удалось.

Заметив мой пристальный взгляд, затылок почесал подошедший профессор Лу. На его лицо набежала тень светлой грусти.

— Это творение моего первого учителя, — негромко пояснил он. — На картине его единственная дочь. Малышка пропала без вести в те страшные годы, когда Северо-Восток оккупировали японские захватчики. С тех пор от неё не было ни весточки.

Старый мастер до конца дней своих не оставлял надежды отыскать своего ребёнка. Но в горниле войны, когда страна рушилась под копытами врагов, разыскать пропавшую сироту было немыслимой задачей.

Так он и ушёл в иной мир, унося в сердце незаживающую рану и горькое сожаление.

Озвучивать свои подозрения я благоразумно не стал. Если уж мне кто-то казался знакомым среди давно ушедших людей, то с вероятностью в девяносто девять процентов это был очередной неупокоенный призрак. Зачем тревожить старика столь зловещими рассказами?

Наставница Лу искренне порывалась оставить меня на ночь, сокрушаясь о позднем часе, но я вежливо отказался, сославшись на ворох неотложных дел с утра пораньше. Пообещал лишь, что непременно загляну к ним снова в ближайшее время.

Напоследок профессор удивил меня ещё раз — он вложил мне в ладонь связку ключей от личной мастерской в академии, предложив заниматься там в любое удобное время, ведь условия там куда лучше, чем в общежитии.

Сжимая в кармане холодный металл, я брёл по ночной аллее кампуса, пребывая в полнейшем смятении.

«Вот уж не думал, что обычный зачёт обернётся такой удачей. Я что, умудрился вытянуть счастливый билет?»

<http://bllate.org/book/20253/2192330>